

© Д.В. ПРАХТ

dimitr777888@mail.ru

УДК 26

ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТОБОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

АННОТАЦИЯ. В данной статье на основе архивных материалов реконструируется и анализируется история протестного движения в Тобольской духовной семинарии в начале XX века. Показано, как события, происходящие в стране, отразились на настроении духовной школы.

SUMMARY. In the given paper the author, with the help of archive materials, attempts to reconstruct and to analyse the history of rebellion movement in Tobolsk theological seminary in the early XX century. The article shows how these events in the country affected the frame of mind in theological school.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Тобольская духовная семинария, протестное движение, бунт, семинария.

KEY WORDS. Tobolsk theological seminary, rebellion movement, seminary.

Конец девятнадцатого и начало двадцатого веков в истории России были отмечены крупными социальными потрясениями. В начале XX в. Россия была втянута в водоворот бурных исторических событий. Политические потрясения оказывали влияние и на религиозно-нравственное состояние народа. Новые политические идеи, новые методы высказывания своего несогласия или недовольства не обошли стороной и духовные школы.

Изучение истории протестного движения в духовных учебных заведениях на рубеже XIX-XX вв. отражено во многих монографических и диссертационных исследованиях. Эти работы носят, по преимуществу, региональный характер. Среди исследователей можно отметить следующих: Т.А. Павленко, В.Ю. Софронов, В.А. Тарасова, Н.Ю. Сухова, Р.Ю. Просветов, И.А. Сланов, С.А. Голубцов, Г.Е. Колыванов, Н.В. Малышева, Н.Е. Герасимова, Н.И. Полосин, А.И. Мраморнов, А.В. Сушко и многие другие. Однако, тема протестного движения студентов Тобольской семинарии осталась практически не исследованной. Данная статья имеет своей целью восполнить существующий пробел путем рассмотрения причин и последствий протестных акций. Источниковой базой исследования являются архивные материалы, хранящиеся в Российском Государственном Историческом Архиве г. Санкт-Петербурга (РГИА), Государственном учреждении Тюменской области «Государственном архиве в г. Тобольске» (ГУТО ГА в г. Тобольске) и Тобольском государственном историко-архитектурном музее заповеднике (ТГИАМЗ).

В начале XX в. в 57 духовных семинариях обучалось свыше 20 тысяч студентов в возрасте от 12 лет, причем, шестилетнему обучению в семинарии

предшествовало духовное училище. В семинариях обучались преимущественно дети священников и церковнослужителей. Начальное образование они обычно получали дома. В целом семинарии воспринимались государством как средство формирования духовного сословия. Мотивы поступления в семинарию были различные. Часто дети сельских священников использовали семинарию как промежуточную ступень перед поступлением в университет. Становиться священнослужителями и идти по пути, к которому готовили в семинарии, предпочитала лишь небольшая часть выпускников, а остальные выбирали другой самый распространенный путь — чиновника или педагога [1; 95-99].

Студенческие волнения начала XX в. не были для духовных школ России новым и неизвестным явлением. В преддверии XX в. студенческие протестные акции охватили не только семинарии, но и российские университеты и институты. В 1886-1887 учебном году сильные беспорядки произошли в Казанской духовной академии, в конце 1890 г. нестроения охватили Московскую духовную академию, в начале 1895 г. — Киевскую духовную академию [2]. Причем, выступления семинаристов проходили одновременно с учащимися российских университетов.

В 90-е гг. в семинариях появляются «революционеры» — их поведение напоминало игру детей в революцию. Учащиеся старших классов стали объектом внимания со стороны всевозможных радикальных организаций. Через эти же организации в семинарии попадала «специальная» литература. Семинаристы, как правило, легко откликались на любые протестные призывы. Отмечалось, что часть воспитанников не стремились свою жизнь посвятить служению Церкви в священном сане. Были люди и явно враждебные Церкви, и совершенно неверующие. И все это из-за того, что духовная школа, с одной стороны, носила сословный характер, с другой, — была общеобразовательной школой для детей духовенства. Отсюда требования увеличить количество общеобразовательных предметов за счет уменьшения богословских дисциплин.

Знакомясь с принципами воспитания и мерами воздействия, которые содержатся в мемуарах и воспоминаниях бывших семинаристов, всегда виден авторитарный характер педагогики. Членами инспекции обращалось внимание на соблюдение внешнего режима, всех правил и инструкций, а что происходило во внутреннем мире воспитанников, часто оставалось без должного внимания.

Многочисленные инструкции и предписания регламентировали только внешнюю жизнь воспитанника «На преподавателя возлагается забота о поддержании классной дисциплины. Он наблюдает, чтобы ученики во время урока сидели не облокачиваясь или опершись грудью на парту, не разваливались, не разговаривали и не шептались между собою; Преподавателями могут быть употребляемы следующие взыскания: а) замечание, б) внушение, в) выговор наедине, г) выговор перед целым классом, д) одиночное сидение в классе на отдельной скамье в продолжение нескольких урочных часов, е) удаление ученика во время урока из класса; Будучи близок к ученикам преподаватель должен относиться к ним с любовью и расположением, с снисходительностью и кротостью, с приветливым обращением, не допуская оскорбительных слов, насмешек, прозвищ, в то же время избегая всякой фамильярности в обращении с ними» [3; 87-90]. Тем не менее, повседневность, ощущение бесперспектив-

ности и казарменный уклад жизни [4] не были искоренены реформами [5; 107-110] и многочисленными попыткам на местном уровне.

Часто бунты вспыхивали по пустякам, но со временем выработывалась особая тактика бунта: он начинался в столовой, классе, библиотеке; семинаристы дружно начинали шуметь и далее от слов переходили к действию. Одним словом, студенты выливали всю свою злобу и ненависть к семинарской жизни, все, что попадалось под руку, ломалось и рушилось [4; 4]. Это был стандартный сценарий развития стихийного бунта во многих учебных заведениях.

Так, в 1901 г. 15-17 декабря в Тобольской духовной семинарии (семинарском казенном корпусе и общежитии при семинарии), произошел инцидент, который можно назвать стихийным, массовым бунтом. Следует заметить, что в ноябре — декабре произошли также волнения и в Ярославской, Вологодской, Полтавской, Ставропольской, Пермской и других семинариях.

В рапорте инспектора Димитрия Матвеева есть краткое описание того, что произошло «17 ноября вечером я был вызван в общежитие и застал там полную анархию: входные двери были забаррикадированы комодами и шкафами. Сквозь окна летели кирпичи, дрова, изломанные табуретки. Из комнат несся сильнейший шум и бранные слова. Первый заметил забаррикадированные двери дежурный надзиратель и сделал замечание — на это раздались крики, ругань и полетела палка, попавшая Николаю Константиновичу в зубы, и повредила ему три зуба. Он ушел, но шум продолжался. Это продолжалось до 12 часов. Семьи надзирателей были перепуганы» [6; 3]. «Это был какой-то кошмар, удушливый, тяжелый. Человек — зверь проснулся во всем своем безобразии, величии: он требовал разрушения. Все рушилось. В темных комнатах двигались силуэты людей, с криком и гамом носились они взад и вперед. В невидимого врага летели табуретки и доски» [4; 3].

Комиссия, которая занималась разбирательством этого дела, в протоколе указала, что насильственные действия со стороны студентов были направлены против работников инспекции, их семей и благоразумных одноклассников, не поддержавших беспорядок. Одноклассники боялись возвысить свой голос против нарушителей. Выступление, по мнению комиссии, было беспочвенно. Упрек в неравном отношении инспекции к воспитанникам, грубом обращении с ними, непропеченная булка, «два» за устные ответы и т.д. несправедливы [6; 8]. Все эти мелкие причины, по мысли комиссии, не могут оправдать беспорядки. Е. Кротков, один из воспитанников Тобольской семинарии, вспоминая эти события, отмечает следующее: «недовольство своею собственною жизнью, недовольство постановкой учебно-воспитательного дела, ненависть к инспекции и к ее распоряжениям, стесняющим и ту маленькую частичку свободы, какую пользовались семинаристы — росло и ширилось. Но та форма, в какую вылилось это глухое недовольство и та мотивировка причины семинарских беспорядков со стороны самих семинаристов поражает своею комичностью и в то же время трагизмом» [4; 3].

В ответ на эти беспорядки инспекция отчислила 12 наиболее активных воспитанников, по отношению к другим «бунтовщикам» были применены меры дисциплинарного взыскания.

Мы видим, что в основе массового недовольства не было политических причин, основная причина — это грубое отношение к личности со стороны руко-

водителей (по мнению студентов). Этого было достаточно для того, чтобы устроить массовые беспорядки. Один из участников этих беспорядков вспоминает «Роясь в памяти, пробегая черновые заметки не находишь ни одного факта, который бы свидетельствовал о том, что семинаристы понимали цели и задачи этой борьбы» [4; 3].

Семинаристы в первые годы своей борьбы видели единственного своего врага в лице инспекции, поэтому вся борьба сводилась к борьбе с инспекцией и ее представителями [4; 3].

После протестных событий, охвативших Тобольскую семинарию в 1901-1902 гг., несмотря на принятые меры, жизнь в семинарии не вернулась в свое обычное русло.

В 1905-1906 гг. многие семинаристы были революционно настроены. В семинарии была создана библиотека, богато насыщенная марксистской литературой. Часто устраивались сходки, на которых присутствовали ссыльные социалисты разных партий: большевики, меньшевики и эсеры. На этих собраниях происходила политическая агитация. Многие семинаристы сочувствовали большевикам и меньшевикам. Семинария была связана перепиской с семинариями других губернских городов. Центр революционного руководства был в г. Вятке.

Весной 1906 г. все семинарии Сибири и по ту сторону Урала решили присоединиться к революционной войне, охватившей в то время Россию. Была созвана сходка, на которой было решено объявить забастовку. Начальство хотело помешать ей, но не смогло, сходка происходила в спальне казенного корпуса семинарии, двери были закрыты на ключ. Пока ломали дверь, общее собрание закончилось, были вынесены предложения, которые не удовлетворившие начальство. Была объявлена забастовка. Архиепископ Антоний [7] поехал к губернатору и настаивал перед ним, чтобы тот сурово наказал бунтовщиков вплоть до того, чтобы посадить в тюрьму, но он отказался от принятия строгих полицейских мер. Семинарию закрыли, студентов отправили на неопределенное время по домам [8; 97-98].

Тобольские семинаристы в ходе протестных выступлений 1905 г. подали начальству петицию, где изложили свои требования:

- соединить духовное училище с семинарией в одну общеобразовательную школу, создать два специальных богословских класса;

- лицам, окончившим курс четырех классов не реформированных еще семинарий, предоставить право поступления в высшие учебные светские заведения без экзамена;

- уничтожить переводные экзамены кроме восьмого класса и десятого;

- уничтожение сословных различий при поступлении в духовную школу; введение в курс наук естествоведения и новых языков (один обязательно) с младших классов Духовного училища;

- расширение математики, физики в пределах гимназического курса, новейшей литературы и основного богословия; гуманное отношение начальства ко всем воспитанникам.

Итак, все эти требования сводились к реформе всего учебно-воспитательного процесса.

Из личных благ требовали только:

- увеличение каникул;
- неприкосновенность корреспонденции;
- отмена карцера и «голодного стола»;
- прекращение практики обысков;
- позволение посещать театры и концерты [9].

Из этой петиции видно, что многие семинаристы мечтали о светской карьере, поэтому требовали перестроить учебные программы в соответствии с гимназическим курсом: увеличить объем преподавания общеобразовательных предметов, знание которых было необходимо при поступлении в высшие учебные заведения.

Архиепископ Антоний и ректор семинарии архимандрит Николай Богоявленский, отвергнув петицию забастовщиков, добились их исключения и временно закрыли семинарию. Однако, Святейший Синод признал участников забастовки не исключенными, а только распущенными на каникулы. В конечном счете, все минимальные требования семинаристов были удовлетворены. По мере стабилизации ситуации семинария вновь открыла свои двери для студентов и 15 января 1906 г. занятия возобновились.

Мера временного закрытия семинарии не смогла отвлечь студентов от политических настроений царящих в обществе. В семинарии появляется рукописный журнал «На темы жизни». На страницах журнала дается нелестная оценка преподавателям «Наши педагоги — продукты безжизненного казарменного режима» [10; 5] и призывы революционного характера «Братья мужайтесь! Час близок свободы, близок возмездия час! Отомстим мы за долгие годы рабства, позора для нас» [10; 76]. Повествуется о том, что учащиеся давно уже ждут победы общества над старым режимом. Видя обостряющуюся ситуацию, руководство избрало наиболее действенную меру — отчисление из состава учащихся.

После серий протестов, охвативших большинство семинарий, Учебный комитет при Священном Синоде решил внести некоторые изменения в учебно-воспитательную систему семинарий. Рекомендовано расширять библиотеки, разрешалось в семинариях устраивать читальни с выпиской газет и журналов, разрешалось устраивать литературные чтения, музыкальные концерты.

Можно сделать вывод о том, что в начале XX в. до революционных событий 1905-1907 гг., в основе протестов Тобольских семинаристов лежали далеко не политические требования. Все сводилось к борьбе против начальства, которое ограничивало в той или иной мере их свободы, большинство требований касались организации учебно-воспитательного процесса. По мере нарастания общей политической нестабильности и напряженности в обществе и, в целом, в стране, росла напряженность и в закрытом учебном заведении. Семинария представляла собой некую копию того, что происходило в России, только в гораздо меньших размерах. В семинарии появляются отдельные личности, которые будут фанатично распространять новые идеи «Товарищи! Товарищи! Идите в народ и за народ! Вспомните, на какие вы деньги живете и учитесь здесь в семинарии... Мужик нас несет на своей богатырской спине... Идите в эту темную, забитую массу народа! Будите там спящую мысль богатыря силача!» [10; 11]. Они далее пополняют ряды революционеров (таких было меньшинство), но будут и противники, которые пополняют отряды белогвардейцев, останутся и те, кому будет важнее всего, как и прежде проповедовать слово Божье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См. напр.: Прахт Дм. В. Система духовного образования в России в конце XIX в.: взгляд очевидца // Исторический сборник. Сборник научных работ, посвященный 30-летию юбилею исторического факультета ТГСПА им. Д.И. Менделеева. Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2009.
2. РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1887 г. Д. 25; Там же. 1890 г. Д. 33; Там же. 1895 г. Д. 30
3. Инструкция, определяющая воспитательную деятельность преподавателей Тобольской духовной семинарии // Тобольские епархиальные ведомости. 1901. № 4.
4. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 530. Оп. 1. Д. 12.
5. См. напр.: Прахт Дм. В. Специфика образовательного процесса в дореволюционной семинарии после реформы 1884 г. // Православие и русская культура: прошлое и современность: материалы Всерос. с международным участием науч.-практ. конф. (21 мая 2010 г.) / Отв. ред. Т.А. Кибардина. Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2010.
6. РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 6.
7. Архиепископ Тобольско-Сибирский Антоний (Каржавин). 1898-1910 гг.
8. ТГИАМЗ ТМ. № 12144. Воспоминание И.А. Скосырева «Град есть Тобольск, 1907-1917 гг.»
9. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 530. Оп. 1. Д. 8
10. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 530. Оп. 1 Д. 17